

**Сергей
Александрович
СПОЛОХ**

После завершения Гражданской войны в европейской части России в ноябре 1920 года оставшийся личный состав белоказачьих частей и подразделений, в том числе и Донской Гундоровский георгиевский полк, покинули страну и оказались в эвакуации сначала в Турции, затем – в Греции и Болгарии. Само слово «эвакуация» давало надежду изгнанникам на возвращение в покинутую страну. Но, как показало время, эта надежда не оправдалась, и эвакуация превратилась в длительную эмиграцию – жизнь на чужбине.

По воспоминаниям эмигрантов именно Гундоровский полк представлял из себя наиболее организованную и боеспособную воинскую часть. Надо понимать, что такие качества поддерживались для главной цели – военного похода в Советскую Россию. Это произошло только в 1941 году, через два десятилетия после того, как гундоровцы оказались в Болгарии. И пошли они в этот поход не сами, а в составе войск немецкого вермахта, что и стало самой чёрной страницей в полковой истории.

Оправдания этому никогда быть не может, но знание событий длительной казачьей эмиграции всё же необходимо. Такие сведения даёт информация, изложенная в исторической статье нашего земляка, краеведа и писателя Сергея Сполоха. Читайте!

Жизнь эмигрантов – тоже жизнь

Хорошо известно выражение, что офицеры – это стальной хребет любой армии. Эта истина справедлива всегда!

Среди находившихся в Болгарии частей и подразделений казачьих войск офицерская прослойка была весьма значительной. Причём многие офицеры, не менее половины, остались без кадровых назначений. Они выполняли обычные работы, как и нижние чины, но по своему образовательному цензу и прежнему должностному положению были значительно выше. А вот проступки дисциплинарного характера совершали все одинаково.

Командир Донского корпуса генерал Абрамов в одном из первых приказов по организации жизни казачьих войск в Болгарии указал:

«Военно-полевые суды временно упраздняются. Но в каждой части должны иметься свои суды чести. Как для обер-офицеров, так и для штаб-офицеров. Кроме того, будет существовать корпусной суд».

Корпусные суды в частях русских войск в Болгарии отправляли судопроизводство по Уложению Российской империи, которой к тому времени уже давно не было. Законы пережили развалившуюся империю.

В руководстве для судов чести содержалась такая фраза: *«Ввиду особых условий переживаемого времени и для поддержания дисциплины и порядка среди воинских чинов на должной высоте предлагается расширить компетенцию действующих в русской армии судов чести».*

Суды чести офицеров рассматривали самые разные вопросы. В основном это были случаи пьянства, оскорбления офицеров друг другом, невыполнение распоряжений, получение писем из Советской России и распространение на их основе неверных, по мнению командования, сведений и тому подобное.

Основными видами наказания по суду чести было удаление со службы, перевод на беженское положение, а то и простое внушение.

В Болгарии продолжалось разбирательство с теми офицерами, которые служили в Красной армии или попадали в плен к противнику. В протоколах судов чести встречаются такие фразы: *«затесался в Белую армию».*

Среди лиц, зачисленных в Гундоровский полк, были военные, которые в годы Гражданской войны допустили

Военные эмигранты на рытье канала в Болгарии. 1927 год.

разного рода проступки и даже преступления. В делах полка сохранился список воинских чинов, которые были за различные проступки осуждены корпусным судом и удалены из частей:

«Шишков Павел Михайлович, чиновник военного времени из Урюпинска. В ноябре 1920 года был обвинён в растрате денег и привлечён к корпусному суду. Приговор не вступил в силу из-за покидания Крыма».

Глебов Константин, хорунжий. Осужден судом 2-й Донской казачьей дивизии за продажу казённого обмундирования в Чилингире. Приговорён к разжалованию и четырём годам ареста».

Степанов Павел Степанович, чиновник военного времени, 42 года. При нахождении на острове Лемнос допустил растрату казённых денег. Корпусной суд приговорил его к шести годам каторжных работ с лишением всех прав».

Приговор звучит сурово: шесть лет каторжных работ. Но на таких же по своим условиям каторжных работах в шахтах и на строительстве дорог как раз и работали офицеры и казаки рабочих сотен.

Приговоры судов чести объявлялись приказами по полку. Вот наиболее интересные выдержки из этих документов:

«...полковник Цыганков Василий при нахождении в Чилингире в 1921 году за агитацию в пользу Бразилии был

переведён на беженское положение; поручик Орлянский Георгий Ефимович удалён в дисциплинарном порядке из русской армии за недисциплинированность и склонность к митингованию;

есаул Чумаков Иван Николаевич и есаул Падалкин Алексей Петрович судом чести приговорены: первый – к внушению, а второй – к разжалованию в рядовые сроком на 2 года».

Чаще всего в приговорах и приказах звучали фразы:

«Приговорён к удалению со службы... Перевести на беженское положение... Ходатайствовать об исключении из части и всех видов довольствия...».

Такие меры обрекали офицера на положение «дважды изгоя».

Сотник Василий Алексеевич Мышелов по приговору военно-полевого суда при 2-й Донской казачьей дивизии был разжалован до чина младшего урядника «за неисправимо дурное поведение и неисполнение приказаний». Но прошло время, и уже в Болгарии 10 июня 1921 года в приказе № 83 командира Донского корпуса было объявлено: *«Урядника Мышелова Василия Алексеевича за проявленные в боях доблесть и горячую любовь к Родине помиловать, восстановить его в прежнем чине сотника, во всех орденах и знаках отличия, а также в правах и преимуществах по службе».*

Издавались приказы и распоряже-

ния, в которых наказывались «беспонятники» и «бескокардники». Так на бытовом уровне называли в Гундоровском полку тех, кто не хотел носить погоны и кокарды.

9 апреля 1922 года было принято постановление батальонного суда чести второго батальона Донского Гундоровского георгиевского полка.

«Суд рассмотрел вопрос оскорбления подполковника Сергиенко беженцем Андреевым, называющим себя полковником. Зная подполковника Сергиенко как человека с высоким понятием воинской чести и достоинства... и поскольку беженец по суду чести ответственности не подлежит... принято решение передать дело по начальству, чтобы дать возможность снять подполковнику Сергиенко с себя оскорбление».

Офицерский суд чести Гундоровского полка разбирал и бытовые ссоры, например, между войсковым старшиной Аверьяновым и его женой. Причём в протоколе указывались все подробности: кто кому что сказал и кто кому что ответил. Даже есть фраза: *«...он толкнул её так, что она пересчитала все приступки».*

Некоторые объяснения суду чести начинались с таких фраз: *«Я, хорунжий такой-то, работаю на лесопильном заводе...», «Я, есаул такой-то, работаю на табачной фабрике...», «Я, подьесаул такой-то, работаю на стульной фабрике...».* Далее следовало описание проступка.

Известный по своему активному участию в Гражданской войне на Дону гундоровец войсковой старшина Михаил Федорович Шевырёв был в составе суда чести второго батальона Гундоровского полка и терпеливо разбирал все дела о проступках казачьих офицеров.

Конечно, по привычным русским меркам самым распространённым проступком было пьянство. Основой для борьбы с пьянством стал приказ главнокомандующего Русской армией № 271 от 26 июля 1922 года:

«За появление в пьяном виде и пьянство в собраниях и присутственных местах, а равно – нарушения правил поведения виновные, в том числе офицеры, военные чиновники и солдаты, несут дисциплинарные взыскания соответственно тяжести совершённых поступков».

В частности, для офицеров, как указывалось в приказе, «совершивших бесчиние», было предусмотрено разжалование в рядовые сроком от одного до трёх месяцев с содержанием на гауптвахте или одиночное заключение в военной тюрьме сроком от одного месяца до двух месяцев и двух недель.

К тюремному заключению провинившиеся приговаривались, но тюрьмы то не было! Так что, по-видимому, как и многое другое, тюремный срок тоже переносился до возвращения в Россию. А оно всё не наступало и не наступало.

Чтобы удержать дисциплину на должном уровне, в местах расположения отдельных полков Донского корпуса оборудовались гауптвахты. Больше всего офицеров и казаков возмущало то, что нарушители воинского порядка кормились за счёт сотенных котлов, а туда продукты попадали только через выработку продукции или закрытие нарядов за выполненные работы на строительстве дорог, добычу угля в шахтах и камня в карьерах.

Были факты, когда командование частей не хотело выносить сор из избы и занималось укрывательством проступков своих подчинённых. Не избежали этого и в Гундоровском полку. Лучшее тому свидетельство — приказ по Донскому корпусу № 61 от 24 марта 1922 года:

«В ночь с 18 на 19 декабря 1921 года в городе Видин полковник Донского Гундоровского георгиевского полка Сазонов, будучи в пьяном виде, произвёл буйство на улицах города, ломаясь в заведение Анастаса Стойкова, за что был арестован болгарским патрулем и посажен в кордерегардию местного околийского начальника.»

Выяснилось, что никаких мер со стороны командира полка и командира батальона по расследованию проступка полковника Сазонова принято не было. Находя поведение полковника Сазонова марающим имя полка, приказываю исключить его из списков полка с переводом на беженское положение.

Командиру полка генерал-лейтенанту Гусельщикову и командиру 2-го батальона полковнику Духопельникову объявляю замечание за непринятие мер к немедленному рассмотрению судом чести и оставление безнаказанным столь серьёзного, позорящего имя русского офицера проступка».

По этому происшествию в деле суда чести есть справка околийского (районного) полицейского начальника на болгарском языке. В справке (она называлась «служебная бележка») написано, что «был задержато русняк, полковник Сазонов».

В сборнике документов на болгарском языке с названием «Бежата эмигранта врангелиста армията», что понятно и безо всякого перевода, приводятся самые разные сведения о жизни казачьих частей в начале 20-х годов прошлого века на земле Болгарии. Есть там и примеры бескорыстной помощи местному населению, и то, как бывшие воины, не имевшие ранее

никаких рабочих специальностей, получали образование и нужные навыки. Через несколько лет из общей массы личного состава выделились наиболее успешные, или, как бы сейчас их назвали, продвинутые. Они стали электриками, плотниками, столярами, сапожниками, скорняками и даже ювелирами. Безрадостное прошлое, когда они работали «надничарами», то есть простыми подёнщиками, для них ушло навсегда.

Многие факты из жизни казаков-эмигрантов вызывают удивление. О судах чести офицеров рассказано выше. А было ещё и такое явление, как аттестация офицеров того же Донского Гундоровского георгиевского полка. Казалось бы, основной заботой этих людей должен стать кусок хлеба. Ан нет, они ещё заботились и о нравственности, и об образовании, и о бодрости духа и тела.

В архивных делах полка сохранились аттестации на офицеров. Откроем одну из них. Вот что писалось

Кафедральный собор Димитрия Солунского в г. Видин. Болгария 1930 год.

Знак братства казаков Всевеликого войска Донского.

о характерных качествах подбесаула четвёртой сотни Алексея Александровича Глуховского: «Общее умственное развитие высокое. Военное дело любит. Умеет обучать, руководить и воспитывать подчинённых. Весьма заботлив о них. Сознание

долга службы высокое и исполнение добросовестное. Дисциплинирован и исполнитель. Отношение с начальниками уживчивое. С сослуживцами живёт дружно. В подчинённых уважает солдата и человека. Большой воин».

Прямо скажем, характеристика на офицера прекрасная. Но были у некоторых офицеров и другие ответы на аттестационные вопросы. В них можно прочитать: «Твёрдой волей не обладает, в бою теряется...», «В службе особым усердием не отличается...» и тому подобные нелестные оценки.

На вопрос, связанный с отношением к употреблению спиртных напитков, ответы тоже самые разные: от категоричного «...не употребляет» и среднего «...употребляет умеренно и не в

ущерб службе» до такого: «...и меры не знает, и компании тоже».

О политических пристрастиях в аттестациях не говорилось ни слова. Хотя у многих возникал вопрос: как начальникам удавалось создать такую обстановку, чтобы под покровами парусиновых палаток и крышами бараков в течение нескольких лет мирно уживались истинные республиканцы и убеждённые монархисты. Вероятно, невыносимо тяжёлые условия жизни и труда если не примиряли, то на время приглушали все политические пристрастия.

Хорошо известно, что донские казаки на своих собраниях и торжественных мероприятиях гимн «Боже царя храни...» не пели. А вот свой донской гимн «Всколыхнулся, взволновался православный Тихий Дон...» исполняли по каждому подходящему поводу.

У многих уехавших в эмиграцию офицеров в России остались семьи. Но время шло, перспектива возвращения

квалифицированных и очень ценных болгарскими работодателями. Но для такого трудоустройства требовалось болгарское подданство и с разрешения командования русских войск казаки стали его получать.

Время от времени в казачьей среде разгорались споры по главной жизненной дилемме: возвращаться на Родину или нет. В январе 1926 года во втором номере эмигрантского журнала «Вестник казачьего союза» была помещена статья в качестве основы для этой не-весёлой дискуссии:

«С хуторской или станичной колокольни видно не очень далеко, и зовущие могут добросовестно ошибаться. Тем, кто решается возвратиться, теперь не следует забывать, что ехать придётся не с гордо, по-казачьи, поднятой головой, а с головой опущенной, кающеюся, просящей прощения. Что придётся покориться тому, с кем бились, сражались. Всё это поставит возвращающегося в обстановку очень несладкую. Не надо забывать, что массовых расстрелов нет, но одиночки нет-нет да и исчезают. Кое-кто знакомится с тюрьмой.»

Приходили известия от станичников и о репрессиях в отношении тех, кто начинал с ними мыкаться по миру от Чилингира, Лемноса и Болгарии, а потом всё-таки не вынес долгой разлуки с близкими и вернулся в родные края. В «Вестнике казачьего союза» за апрель 1928 года было опубликовано сообщение о том, что бывший член донского войскового круга от станицы Гундоровской Степан Михайлович Мазанкин осуждён по приговору окружного суда на 10 лет тюрьмы.

В письмах с Дона встречались такие условные фразы:

«...а казак такой-то сейчас без хозяйства и стал на постой на казённой квартире.»

Это означало одно: всё отобрали, а самого посадили в тюрьму.

Неведомыми путями в редакцию «Вестника казачьего союза» попадали сведения из донских станиц. Вот что писали о делах хлеборобов в покинутых станицах:

«Надел в Гундоровской был 10 десятин в среднем, а вот в 1925 и 1926 годах засевали не более пяти десятин. Потому что всех, кто засевал больше и получал излишки, тут же зачисляли в кулаки и буквально душили налогами.»

Несмотря на все предостережения и страхи, гундоровские казаки продолжали возвращаться к себе на Родину. Основной их поток иссяк к 1926 году. К десятой годовщине Октябрьской революции в 1927 году реэмиграция в советскую страну была полностью прекращена.

Сергей Сполох,
член Союза писателей России
Примечание:
Все иллюстрации,
использованные в настоящей
статье, взяты из архива автора
и общедоступных источников.